

В 2015 году в Кемеровском областном музее изобразительных искусств прошла выставка «Художники о войне», посвящённая 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Это была шестая из моих «военных» выставок, начиная с 2000 года. Казалось, сила личного чувства, вдохновляющего к работе, должна бы иссякнуть. Но этого не происходит. Наоборот, чем чаще обращаюсь к этой тематике, тем проникновенней и осмысленней моё отношение к ней.

Первые четыре выставки, посвящённые художникам Кузбасса военного поколения, я готовила, движимая благодарностью к ним. О тех, с которыми сотрудничала долгие годы, которые стали почти родными, об уходивших из жизни горевала и помнила. Последние две выставки, предыдущую и нынешнюю, показавшие произведения о Великой Отечественной из собрания КОМИИ (Кемеровского областного музея изобразительно искусства), неожиданно восприняла с неведомой прежде проникновенностью – через себя. Именно тогда появилось новое восприятие войны, уже не казавшейся далёкой историей, а близким событием, сопричастным мне.

Вдруг вспомнилось то, что казалось прочно забытым, растворённым в далёком детстве – настолько раннем, что уже похоже на сон, проступающий расплывчато и бессвязно, краткими эпизодами, с щемящей пронзительностью. Вспомнилось, что улицу, на которой жила в родном мне Иваново, называли вдовьей, поскольку никто из мужчин, ушедших на фронт, не вернулся. Вспомнилось, что мои оба деда, которых не знала, тоже погибли, а из близкой родни уцелел лишь один – безрукий калека с изломанной психикой. Вспомнилось, что в одном из писем, отправленном дедом по материнской линии из Сталинграда (там и убитом), он написал, как месит ногами землю, в которой смешалось всё: снег, кровь, детали орудий и... части человеческих тел.

Вспомнилось, что мои обе бабушки, ставшие вдовами, когда им не было тридцати, так и остались одиночками до конца жизни; что в военные годы у одной из них было четверо малых детей (последний родился в 1941-м), и за ними присматривала самая старшая – моя мама, которой тогда не исполнилось десяти лет (не представляю!).

Эта кровная связь с Великой Отечественной, роднящая поколения через поколения, стала вдруг вызывать во мне живую реакцию – мгновенную, обострённую, понимающую насквозь. Например, говоришь о войне и внезапно, на полуслове – ком в горле, парализующий речь. Или – смотришь кадры военной кино- и фотохроники, показывающие смерть с безжалостной откровенностью – просто и

прямо, и, не выдерживая, обрываешь просмотр. Или – читаешь поэтические тексты фронтовиков, беспощадно оголявших окопную правду, и вздрагиваешь, как от полоснувшего лезвия. Вот один из таких, пожалуй, самый шокирующий и при этом – Господи, помилуй! – понятный:

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.*

И. Л. Деген. 1944 год

Генетической памятью, открывшейся с возрастом, обусловлен посыл той выставки, посвящённой юбилею Победы, которая больше чем выставка. Это дань памяти участникам фронта и тыла Великой Отечественной, познавшим школу мужества и страдания – до самых глубин. Это выражение личной сопричастности к их поколению – от лица потомков, внуков и правнуков, сплотившихся в акции «Бессмертный полк», чтобы так утверждать незыблемость истины: бывшей войны не бывает.

157
Прошло семьдесят лет, как завершилась Великая Отечественная война (1941–1945), самая безжалостная и кровопролитная в XX столетии. Освобождение от фашизма, длившееся целых четыре года, стоило СССР миллионов человеческих жизней. На поле брани оставались лучшие – самые храбрые, сильные духом, и эти потери невозможны не только для родных и близких – для генофонда нации. Поэтому День Победы для нашей страны есть праздник священный, выстраданный, поистине всенародный; это День памяти защитников Отечества, воевавших на фронте и трудившихся в тылу, легендарных и безымянных, павших и выстоявших.

Даже невозможно было представить, что придут времена, когда заслуги советских солдат, отстоявших не только свою многострадальную Отчизну – благополучную Европу, будут оспариваться, причём европейцами! Сегодня эти времена наступили: стремительно нарастает тенденция к пристрастному пересмотру истории и итогов Великой Отечественной, Второй мировой. Оскверняются наши памятники, перечёркиваются наши заслуги, попираются наши святыни.

Поэтому ныне, как никогда прежде, празднования годовщин Победы 9 Мая особенно важны. Это нравственный долг всех и каждого, кому победители Великой Отечественной обеспечили мир, а теперь уходят из жизни, неумолимо и безвозвратно.

Чтобы так, укореняя традицию, отдавать им дань уважения и славить их беспримерный подвиг. Чтобы так, проникаясь уроками мужества, учиться у них защищать свою Родину – самоотверженно, преданно, бескорыстно. Чтобы так, воспитывая граждан страны, прививать им высокие качества, какими обладали они: чувством достоинства, патриотизма, национального единения. Чтобы так, противостоя поветриям времени, защищать нашу правду и память.

Миссия государственной важности и особая роль в ней принадлежит музеям, хранящим подлинные свидетельства ушедших эпох, в том числе о Великой Отечественной войне. В такой миссии участвуют все музеи без исключения: военно-исторические, мемориальные, краеведческие... а также художественные, представляющие произведения искусства, среди которых есть произведения о войне, показанной через духовные образы – воспоминания и откровения, размышления и чувства.

К семидесятилетию Великой Победы, которое отмечалось в 2015 году, Кемеровским областным музеем изобразительных искусств (КОМИИ) была подготовлена выставка, названная «Художники о войне».

Для нашего музея тематические выставки о Великой Отечественной войне – традиционны, поскольку проводятся регулярно, чаще, чем раз в пять лет. Вспомним некоторые из них, наиболее значительные: «Художники Кузбасса – участники Великой Отечественной войны» (1985), выставка-конкурс к 50-летию Великой Победы (1995), «Художники Кузбасса: военное поколение» (2000), «Чтобы помнили...» (2005), «Свет жизни» (2008), «Ветеранам Великой Отечественной войны посвящается» (2009), «Художники о войне» (2010).

Все перечисленные выставки, за исключением последней, связаны с искусством Кузбасса – родного края. Одни из них представляли творчество художников-фронтовиков (1985, 1995, 2005) и военного поколения в целом (2000); другие – творчество фронтовиков-юбиляров, в память о них (2008, 2009); третья была областным конкурсом, объединившим произведения о войне, созданные современными художниками, кемеровскими и новокузнецкими (1995). Примечательно, что все эти выставки включали экспонаты как из фондов КОМИИ, так и других кузбасских музеев, а также из собраний авторов, их наследников.

На открытии первых выставок присутствовали сами художники – ветераны фронта и тыла Великой Отечественной: Александр Михайлович Ананьин, Яков Тимофеевич Буймов, Александр Николаевич Кирчанов, Иван Александрович Чермянин, Павел Афанасьевич Чернов, Николай Михайлович Шемаров... С годами их ряды убывали, пока не остался

один – Иван Данилович Лячин*, и тогда вместе с ним, продолжая традицию, на открытия выставок приходили вдовы, просившие называть их по-прежнему – жёнами: это Нина Тимофеевна Буймова-Ступак, Зинаида Ивановна Кирчанова, Людмила Ивановна Алексеева, Анастасия Архиповна Борисова. Всех чествовали, всем вручали подарки, устраивали для них чаепития, где они вспоминали, вспоминали...

Принципиально иной стала выставка «Художники о войне» (2010). Она показала произведения военной тематики – только из собрания КОМИИ. Это была их первая масштабная презентация, неожиданно открывшая целостную коллекцию – многочисленную, ретроспективную, разнообразную по видам и жанрам.

Вторая выставка «Художники о войне» (2015), развивая замысел предыдущей, имела с той одинаковое название, свидетельствуя о преемственности, о едином музейном проекте, актуальном на все времена. Представляя «военную» коллекцию из собрания КОМИИ, она демонстрировала её гораздо обширней, включая новые произведения: и те, что не экспонировались в 2010 году, и те, что поступили в фонды за последнее пятилетие, в частности живописные произведения О. А. Качарова (Москва)**, весомо пополнившие не только данную тематическую коллекцию – собрание в целом. Или: впервые не частями, а целостно, раскрывая полноту авторского замысла, были показаны графические серии: «Памяти Твардовского» И. Л. Бруни, «Памятники, разрушенные войной» Э. Б. Бернштейна, иллюстрации к рассказу Е. И. Носова «Красное вино Победы» С. С. Косенкова.

Военно-тематический комплекс (коллекция) из собрания Кемеровского областного музея изобра-

* Иван Данилович Лячин ушел из жизни 6 августа 2015 года.

** В мастерской О. А. Качарова (Москва, Цветной бульвар, 21, строение 6), куда я пришла летним днём 2013 года, уже после смерти художника, находилось немало его работ, сиротливо расставленных вдоль оголённых стен – на выбор. Молниеносно пронзили те, которые автор посвятил Великой Отечественной войне, осмысленной очень лично, эмоционально, несмотря на условность стиля, тяготеющего к геометризации форм. Две работы были обращены к родителям, к матери («Первая снежинка») и отцу, погибшему на фронте («Памяти отца»), третья («Синий платочек») – к самому себе, ведущему диалог со временем, непрерывный и напряжённый. Примечательно, что на изображении каждой из данных работ, в смысловом контексте, вклеены фотографии военных лет (из семейного альбома), усиливающие образное звучание, исповедальные интонации. Сразу подумалось, что именно они, эти работы, достойны быть в музейной коллекции и... остаться в истории.

зительных искусств насчитывает около двухсот произведений живописи, графики, скульптуры. Не предусмотренный изначально, он сложился с годами, сам по себе, свидетельствуя об актуальности и непреходящем значении избранной темы – Великой Отечественной войны. Постепенно, по мере осознания ценности этого комплекса, в том числе исторической, его комплектование стало целенаправленным, и, конечно, особое внимание уделялось фронтовым работам – подлинным документам военного лихолетья.

Формирование комплекса осуществлялось преимущественно двумя способами. Это целевые закупки Министерства культуры РСФСР (РФ) с выставок, посвящённых Великой Отечественной, – с их последующей передачей в фонды российских художественных музеев, в том числе КОМИИ. Это закупки, сделанные собственно музеем на бюджетные средства из мастерских художников, реже с городских и областных выставок.

Начало военно-тематическому комплексу положил «Портрет генерал-лейтенанта Ф. Я. Лисицына» Н. И. Дрючина, поступивший из МК РСФСР в 1969 году (год основания музея). Последними приобретениями на сегодняшний день являются работы О. А. Качарова – триптих «Синий платочек», «Первая снежинка», «Памяти отца», закупленные в 2013 году на средства МК РФ по индивидуальной заявке нашего музея.

Источники поступлений, неизменные на протяжении четырёх с половиной десятилетий, обусловили географию авторской составляющей. Так, поступления по «министерской» линии – это чаще работы столичных мастеров, нередко весьма известных; поступления по «музейной» линии – это большей частью работы кузбасских художников, прежде всего участников Великой Отечественной. Но были исключения: некоторые произведения классиков советского искусства появились в коллекции благодаря усилиям научных сотрудников музея: это литографии из серии «По дорогам войны» (1942–1944) В. И. Курдова, «Портрет В. А. Васильева» (1942) Ю. И. Пименова, «Домны Кузбасса» (1944) А. Н. Самохвалова.

Хронологически военно-тематический комплекс делится на два раздела: один составляют работы, созданные в годы войны, в тылу и на фронте (более семидесяти), другой – работы, созданные в мирное время (более ста). Самая ранняя датирована 22 июня 1941 года («Львов. Первый день войны» Я. Т. Буймова), самая поздняя – 2001-м (триптих «Синий платочек» О. А. Качарова). В этом сочетании, контрастном и неразрывном, заключается содержательная основа комплекса, отражающего два взгляда на Великую Отечественную – ее современников и потомков, раскрывающего образ войны в ретроспективе – в контексте прошлого и настоящего.

Особенно ценны (бесценны) работы военных лет, имеющие не только художественное – документальное значение. Созданные с натуры, они, подкупая пронзительной искренностью, показывают время, как оно есть, фактически достоверно, просто и ясно. Ценности не снижает даже тот факт, что это работы «второго» ряда (этюды, зарисовки, наброски), причём небольших размеров, иные с ладонь. В подавляющем большинстве это чёрно-белая графика – рисунки и акварели, выполненные на случайных листках, уже пожелтевших от времени, ветхих (около шестидесяти); живопись малочисленней – всего шестнадцать работ, написанных в тылу. Тогда, в ходе войны, времени, как известно, едва хватало на мобильные жанры.

Прямое свидетельством о Великой Отечественной войне являются фронтовые работы. Их авторы – участники войны или художники, специально выезжавшие на передовую, чтобы запечатлеть ратную хронику. Последние чаще принадлежали Студии военных художников им. М. Б. Грекова (В. А. Арлашин, В. Н. Гаврилов), однако были и такие, которые трудились в тылу (Ф. С. Богородский) и даже в блокадном Ленинграде (В. И. Курдов).

Созданные между боями, чаще в один сеанс, фронтовые работы тем не менее разноплановы: портретные рисунки однополчан и наброски пленных японцев, зарисовки вражеской техники и акварели пылающих городов, сожженных деревень; и даже этюд мартовской оттепели, с талым снегом и тонкими деревцами – этюд наивный и трепетный, который, выпадая из общего ряда, отражает великую силу жизни, неизбывную несмотря ни на что («Оттепель» Я. Т. Буймова).

Документальную значимость фронтовых работ усиливают сопровождающие их авторские надписи, очень конкретные, датирующие и поясняющие изображение. Иные из них поистине исторические. Так, на акварели Якова Тимофеевича Буймова, названной «Львов. Первый день войны», справа внизу читаем: «22.VI.41 Я Буймов Львов».

Преобладают среди фронтовых работ портреты, чаще всего рядовых солдат, с точной передачей их внешнего сходства. Одни из них академичны и тщательны («Артиллерист», «Однополчанка-связистка», «Фронтовичка» П. А. Чернова), другие, наоборот, на скорую руку («Портрет адъютанта Круглова и командира звена», «Портрет лётчика-истребителя Белякова» А. Н. Яр-Кравченко), третьи, напоминая фотографии*, исполнены с заметным усердием, чтобы непременно было похоже («Старший лейтенант

* «Эти портретики, – вспоминал художник-фронтовик И. Л. Бруни, – солдаты вместо фотографий посылали в письмах домой. Я даже отладил соответственный стандарт – под конверт» (Иван Бруни: альбом / вступ. ст. М. Н. Яблонской. М.: Сов. художник, 1986. С. 4).

759

Кулинич», «Командир взвода сапёров Бялясников» К. А. Цветкова).

Запоминается «Автопортрет» (1943) И. Д. Лячина, даже притом что скромнее других, меньший из всех по своим размерам. По словам самого Ивана Даниловича, он выполнен в Харькове после второго освобождения города, в здании, где только что разместили штаб. Там висело большое зеркало, как-то уцелевшее, и собственное отражение в нём, увиденное внезапно, поразило настолько, что побудило взяться за карандаш. Нельзя не заметить, как, внимательно всматриваясь в себя, художник рисует старательно и неспешно, однако портретный облик, мне кажется, всё-таки не вполне узнаваем. Потому что в нём невольно проступает нечто большее, чем только внешнее сходство – самоощущение автора, находившегося на передовой уже целых три года. Перед нами военный человек – серьёзный, опытный, взрослый, которому – даже не верится – лишь двадцать четыре года! Смотришь и понимаешь, что война как суровое испытание заставляла юношей рано взрослеть.

Все перечисленные портреты, такие несхожие между собой, объединяет время, точнее война, придающая им внутреннее родство. Лишённые пафоса, они «поражают уважительным отношением автора к модели – ни иронии, ни гротеска, ни шаржирования. Не о себе заявляет своим рисунком фронтовой художник, а о коллеге, с которым вместе избывает беду, который в любой день может погибнуть, как и он сам. Художники рисовали около смерти».

Справедливость безжалостных слов подтверждает портрет Семёна Пикалова (1945), исполненный К. А. Цветковым. На блокнотном листке нарисован профиль солдата – молодого, мужественного, с правильными чертами лица (только ваять). Внизу, под изображением, ближе к центру авторская надпись карандашом: «1945 г. 211 ОАПБ л-нт Пикалов Семен (погиб 12 августа)».

Работы военных лет, созданные в тылу, передают суровый быт времени (бремени). Это тесные интерьеры с печкой-буржуйкой («В годы войны. Интерьер» О. В. Чистякова) и женские портреты, показывающие немолодые лица – неподвижные, напряжённые, сосредоточенные («Женский портрет» Н. И. Бачинина, «Портрет матери» К. Д. Китайки); это пейзажи сельской окраины («Осенняя распутица» Г. П. Татарникова), разрушенных городов («Могилев», «Прифронтовой Вильнюс» В. А. Арлашина), шахтёрского посёлка (серия графических работ М. Н. Скуляри), железнодорожной станции, едва проступающей сквозь дымку морозного утра («Илецкая защита» С. В. Герасимова).

Несмотря на жанровое и тематическое разнообразие, все «тыловые» работы – уютны, безрадостны, непросторны. Они скупы в выразительных

средствах, чаще тусклы и блеклы, почти бесцветны, даже если исполнены в живописи. Так проступает ощущение скорбного времени, погружённого в атмосферу тревожного ожидания, преисполненного бед и лишений, уносящего жизни – день за днём, и... всё-таки мужественного.

Особую ценность среды «тыловых» работ представляют те, что непосредственно связаны с нашим краем – Кузбассом. Это рисунки и акварели рабочего посёлка в Анжеро-Судженске (1941–1942), выполненные М. Н. Скуляри – ленинградским художником и одновременно инженером-конструктором дизельных двигателей и именно в этом качестве командированным на далёкую шахту; это «Домны Кузбасса» (1944) А. Н. Самохвалова – известного советского мастера, тоже ленинградца, эвакуированного с трупной Академического театра драмы им. А. С. Пушкина в Новосибирск и по службе не раз приезжавшего в город Сталинск (ныне Новокузнецк Кемеровской области), где находился Московский театр оперетты.

Примечательно, что оба художника показали Кузбасс индустриальным краем, однако увидели его каждый по-своему. Величественным гигантом, огненным и дымящимся, предстаёт в «Домнах Кузбасса» знаменитый на всю страну Кузнецкий металлургический комбинат – он впечатлил Самохвалова так, что и годы спустя в своих воспоминаниях он писал об этом восторженно*. И наоборот: крохотным островком, затерянным в снежной пустыне, выглядит шахтёрский посёлок, обнесённый, как тюрем-

* «Это был интересный городок, выросший около металлургического комбината, где основным звеном был громадный узел доменных печей, который поражал своим величием и чисто живописными огненными эффектами <...>.

Металлургический комбинат находился как раз напротив театрального здания, в котором разместилась оперетта. И входя, и выходя из театра, я видел этот доменный огненный пафос. Он каждый раз был иным, он жил, и каждый час соответствовал какому-то этапу его жизни. То он весь собранный, овеянный пробивающимися отовсюду чуть гудящими дымками, то таинственный и затихший, с белыми огнями сверкающей электросварки в разных местах. Он попутно залечивал раны. Причем людей, постоянно занятых ремонтом сложнейших конструкций этого гиганта, никогда не было видно. Их невозможно было разглядеть в этом фантастическом сплетении ферм.

То он, пылающий огнем плавки, весь скрывающийся в тучах багрово освещенного снизу пара – совсем уж фантастический, как своего рода сооруженный руками людей Везувий. Я сделал три этюда и две небольшие картины: «Домна Кузбасса» и «Чугун идет» (Самохвалов А. Мой творческий путь: автомонография / А. Н. Самохвалов. Л.: Художник РСФСР, 1977. С. 274–276).

ная зона, колючей проволокой, убогий и сырый, вселяющий чувство сиротства и неизбывного одиночества.

Символично, что «обрамляют» раздел произведений военных лет два натюрморты, не имеющих, казалось бы, к войне прямого отношения, за исключением того, что один из них создан накануне, а другой почти сразу по окончании Великой Отечественной: это «Натюрморт с незабудками» (1941) Ю. В. Разумовской и «Дачный натюрморт» (1945) Т. Н. Яблонской. Безмятежные и лиричные, они пронизаны дыханием мирной жизни, самой обыденной, частной: весеннее слепящее солнце и незабудки на подоконнике; летняя лесная прохлада и грибы на дачном окне. Примечательно, что оба натюрморты написаны женщинами, которые, не приемля насилия по своему естеству, особенно чутки радостям бытия, непреходящим в своём значении, тем более после разрушительных бедствий.

Второй раздел «военной» коллекции, состоящий из произведений, созданных в мирное время, более многочисленный по сравнению с первым (примерно на треть) и более разноплановый. Здесь не только живопись и графика, но и скульптура; не только портреты и пейзажи, но и картины, натюрморты, книжные иллюстрации; не только реалистические образы, но и метафорические, экспрессионистские, даже абстрактные (диптих «Фронт и тыл»

А. В. Суслова). Здесь произведения широкого тематического контекста, представляющие не только ветеранов Великой Отечественной и воспоминания о ней, но и глубокое осмысление таких лейтмотивов, как победа и подвиг, жертвы и разрушения, война и мир, добро и зло...

Авторами этих работ являются художники разных поколений: это участники и очевидцы Великой Отечественной, раскрывающие правду о прошлом, к которому мысленно возвращаются снова и снова (И. Л. Бруни, Э. Б. Бернштейн, О. А. Качаров, В. Н. Минаев); это художники, родившиеся после войны, но ощущающие ей личную сопричастность, размышляющие о судьбах прадедов, дедов, отцов, о преемственности, об исторической памяти (О. Ю. Яхнин, Р. В. Пантелеева, С. С. Косенков).

В целом военно-тематический комплекс (коллекция) из собрания КОМИИ представляется весьма содержательным, многогранным в отражении события, ставшего грандиозной вехой в истории нашей страны, нашего народа. Его развитие продолжается, поскольку тема Великой Отечественной войны неисчерпаема, и наша задача, оставляя коллекцию потомкам, придать ей большую полноту. Чтобы помнили.

Марина ЧЕРТОГОВА,

искусствовед, заместитель директора КОМИИ
по научной работе, г. Кемерово